

Императорская Фамилія въ Крыму ¹⁾.

Въ первыхъ числахъ августа въ Ливадіи получено было официальнымъ путемъ извѣстіе о намѣреніи Государыни Императрицы пожаловать въ Ялту. Извѣстіе это молніею облетѣло ближайшія окрестныя деревни и дачи, и у всѣхъ оживились лица.

— Правда ли, что Государыня пріѣдетъ? спрашивалось въ каждомъ домѣ и при встрѣчахъ на улицахъ.

— Дай Богъ, дай Богъ, чтобы ей ничто не помѣшало. Безъ Царской семьи нашъ край, точно день безъ солнца.

Первый Высочайшій пріѣздъ имѣлъ громадное вліяніе на туземцевъ южнаго берега, которые апатично относились къ чистотѣ своихъ улицъ, не заботились о ремонтѣ домовъ и находили излишнимъ тратить средства на наружныя улучшения. Сколько извѣстно, никакія просьбы, совѣты и требованія полицейской власти не могли заставить ихъ сознать ни приличія, ни пользы. При этомъ каждому еще памятно, въ какихъ грубыхъ и безобразныхъ курткахъ и шальварахъ ходили всѣ безъ исключенія татары, съ открытыми мохнатыми грудями. Отъ наслѣдственныхъ привычекъ этихъ они никогда не подумали бы отстать, если бъ не прониклись благоговѣніемъ къ великодушному Императору, на дѣлѣ убѣдившему ихъ, что онъ не ставитъ различія въ подданныхъ по ихъ религіи. Только послѣ этого убѣжденія, болѣе состоятельнымъ изъ нихъ захотѣлось показать себя въ болѣе

¹⁾ См. „Русскую Старину“ сентябрь 1916 г.

приличномъ видѣ и доказать, что и они способны къ прогрессу, когда ихъ не исключаютъ изъ числа членовъ государственной семьи и принимаютъ какъ людей, честно исполнявшихъ свой долгъ. Съ этого времени татары ближайшихъ деревень къ Ливадіи начали одѣваться въ суконныя обшитыя золотыми позументами куртки, заводить хорошія казацкія или англійскія сѣдла ¹⁾, очищать дворы и улицы отъ нечистотъ, которыя бросались на нихъ по привычкѣ, строить дома въ европейскомъ вкусѣ и вводить въ употребленіе столы и стулья. Но всего замѣчательнѣе, что они не только стремились научиться говорить по-русски, но даже заводятъ знакомства съ чиновниками, приглашаютъ ихъ и угощаютъ виномъ, которое не дозволяется имъ держать.

Когда выяснилось, что Ея Величество прибудетъ въ Ялту 15-го августа, т.-е. въ день Успенія Пресвятой Богородицы, когда мѣстные греки и русскіе по искони принятой привычкѣ ѣздятъ въ Бахчисарайскій монастырь, то многіе отказались отъ этого путешествія, изъ единственнаго желанія взглянуть на царицу, сдѣлавшуюся для нихъ кумиромъ.

— Мы успѣемъ побывать въ монастырѣ и на 9-й день, а если пропустимъ пріѣздъ, то кто знаетъ, удастся ли увидѣть вновь нашу матушку царицу.

За два дня до пріѣзда Государыни въ Ялтѣ началась очистка улицъ, побережья и декорировка городской пристани. Надъ послѣднею трудились лучшіе садовники, доставившіе изъ различныхъ имѣній цвѣты и рѣдкіе экземпляры растеній. На городскомъ фонтанѣ, который въ то время находился на набережной площадкѣ, выставленъ былъ прелестно свитый изъ лавровыхъ вѣтокъ и другого рода иммортелей громаднѣй вѣнзель съ именемъ Ея Величества.

15-го августа съ ранняго утра началось развѣшиваніе флаговъ и вывѣшиваніе гречанками и другими обитательницами города ковровъ и цвѣтныхъ матерій на балконахъ. Изъ полученной телеграммы было извѣстно, что Государыня слѣдуетъ на томъ же пароходѣ „Тигръ“ и прибудетъ въ Ялту приблизительно къ 3-мъ часамъ пополудни. На этотъ разъ въ Крыму было много пріѣзжихъ и слѣдовательно число вышедшихъ на набережную въ нарядныхъ бѣлыхъ платьяхъ было несравненно больше. Всѣ суетились, улыбались и не сводили глазъ съ моря. И вотъ наконецъ показался ожидаемый съ нетерпѣніемъ пароходъ. Все заше-

¹⁾ Раньше здѣсь всѣ почти ѣздили на вьючныхъ сѣдлахъ.

велилось и начало ломиться впередъ. Полиція заголосила, но ей отвѣчали, что и они желаютъ привѣтствовать Государыню. Часъ спустя императорская яхта бросила якорь, заиграла музыка и отчалилъ барказъ съ дорогою гостею, которую встрѣтили на послѣднихъ ступеняхъ пристани, кромѣ начальствующихъ, старушка княгиня Мещерская, владѣтельница при дер. Гаспра и княгиня Воронцова. Поцѣловавшись съ этими почтенными дамами и послѣ принятія привѣтствія отъ представителей городской и губернской власти Ея Величество съ младшими дѣтьми помѣстилась въ экипажъ и сейчасъ же отправилась въ любимую свою Ливадію, въ которой на этотъ разъ воздвигнута была уже маленькая придворная церковь въ строго-византійскомъ вкусѣ и много другихъ необходимыхъ построекъ.

Въ свитѣ Ея Величества и на этотъ разъ состояли тѣ же статсъ-дамы и фрейлины, а изъ мужчинъ графъ Шуваловъ, лейбъ-медикъ Гартанъ, адмиралъ Сколковъ, Княжевичъ и другіе.

По общему убѣжденію Государыня Императрица значительно похудѣла и поблѣднѣла. Это непріятно повліяло на туземцевъ, но они утѣшались надеждою, что южнобережскій климатъ въ непродолжительномъ времени окажетъ на нее благотворное дѣйствіе.

Пока державная гостя отдыхала и набиралась силами, 18-го августа прибылъ на пароходѣ русскаго общ. пароходства „Аргонавтъ“ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ.

Его Высочество съ перваго взгляда на окрестности Ялты пришелъ въ восторгъ и восхищался этимъ краемъ во все время пребыванія своего въ немъ.

Лишь только Наслѣдникъ въ сопровожденіи графа Строгонова, состоявшаго при его особѣ, показался на пристани, народъ рванулся впередъ, и крикамъ „ура“ не было конца. Безподобная красота его очаровала всѣхъ.

Его Высочество также сейчасъ отбылъ въ Ливадію, а чрезъ четыре дня, и именно въ четвергъ, въ 5 часовъ по полудни 22 августа на императорской яхтѣ выѣхалъ на Кавказъ крестить новорожденнаго сына у дяди своего великаго князя Михаила Николаевича. Послѣ отъѣзда Цесаревича рассказывали нѣкоторые изъ служащихъ въ Ливадіи, что Наслѣднику такъ понравился нашъ край, что онъ неохотно расстался съ нимъ и вѣроятно очень скоро возвратится сюда.

23-го августа Государыня Императрица, принимая привѣтствія татарина Мустафы, за которымъ усвоился уже титулъ князя, данный ему сначала шутя, объявила, что скоро пріѣдетъ Государь и пробудетъ въ Ливадіи до поздней осени. Мустафа отъ радости не замедлилъ рассказать всѣмъ эту пріятную новость.

Въ ожиданіи волюбленнаго монарха всѣ вновь приведены были въ восторгъ окончательнымъ договоромъ правительства съ англійскими банкирами объ устройствѣ Московско-Севастопольской желѣзной дороги, которая должна быть окончена въ теченіе 6-ти лѣтъ.

5-го сентября пожаловалъ въ Ливадію, а затѣмъ въ свою Ореанду великій князь Константинъ Николаевичъ съ семействомъ, а на слѣдующій день въ 8 часовъ утра возвратился съ Кавказа на той же императорской яхтѣ „Тигръ“ Наслѣдникъ Цесаревичъ. Въ Ливадіи знали время, когда придетъ пароходъ въ Ялту, но чадолюбивая Императрица, несмотря на слабость здоровья своего, за часъ раньше пріѣхала къ пристани съ августѣйшими дѣтьми и терпѣливо дождала на солнцѣ своего дорогого первенца. Около Ея Величества находились немногіе сановники и въ томъ числѣ графъ Шуваловъ въ цивильномъ костюмѣ. На этотъ разъ не было никакихъ демонстрацій ни со стороны властей, ни со стороны народа, безъ сомнѣнія по соизволенію нѣжной матери, знавшей, что болѣзненному сыну ея не особенно нравится повтореніе ихъ безъ надобности. Для насъ зрителей несравненно пріятнѣе было видѣть высокій примѣръ искренней сыновней любви къ матери, выразившейся при благоговѣйной тишинѣ въ объятіяхъ и радостныхъ улыбкахъ.

Семейная картина эта на берегу прелестнаго края, при ясномъ голубомъ небѣ, между зелеными пушистыми горами и незыблемомъ моремъ, на которомъ красовалось 5 военныхъ паровыхъ судна съ матросами на реяхъ—производила трогательное впечатлѣніе.

8-го сентября по случаю высокаторжественнаго дня, послѣ благодарственнаго молебствія въ Ялтинской и Ливадской придворной церквахъ, стоящіе на рейдѣ пароходы расцвѣтились флагами и началась оглушительная пальба изъ пушекъ, заставившая все простонародіе и въ особенности татаръ выбѣжать изъ дрожавшихъ домовъ и справиться, что случилось. Мустафа по обыкновенію поскакалъ въ Ливадію за справками, но когда ему объяснилъ первый

встрѣчный о тезоименитствѣ Наслѣдника Цесаревича, онъ поспѣшилъ уже во дворецъ съ принесеніемъ вѣрноподданныхъ поздравленій. Вечеромъ Ялта и всѣ суда были роскошно иллюминованы. На послѣднихъ во всю высоту мачтъ изображены были изъ огненныхъ точекъ или зажженныхъ фонарей буквы Н. Въ Ливадіи, кромѣ этого, устроенъ былъ блистательный фейрверкъ съ предоставленіемъ каждому права заходить въ царское имѣніе.

При первомъ пріѣздѣ въ Ливадію потребовались сотни служителей, то въ качествѣ лакеевъ къ придворнымъ, то въ качествѣ проводниковъ, то въ качествѣ доставщиковъ плодовъ и различнаго рода съѣстныхъ и другихъ необходимыхъ принадлежностей для стола и кухни. Естественно, что мѣстные жители съ радостью вызвались на приглашеніе и самымъ щедрымъ образомъ были вознаграждены за честныя и усердныя услуги свои; но вслѣдъ затѣмъ, когда открылись большія и многочисленныя постройки вокругъ дворца, чуть-ли не большинство поселянъ изъ ближайшихъ деревень занялись поставками камня, лѣса, извести, а остальные пошли въ поденщики, каменщики, пильщики и т. д. Въ виду оснѣженности работъ и недостатка свободныхъ людей строители не скупились и дѣйствительно дали бѣднымъ людямъ возможность улучшить свой домашній бытъ и понять, какое благо можетъ приносить имъ и въ будущемъ сосѣдство царскаго имѣнія, населеннаго множествомъ потребителей разнаго званія. Работы и поставки продолжались и въ настоящее время, не взирая на пріѣздъ Императрицы съ Августѣйшими дѣтьми. Этого мало, явились сюда многіе торговцы съ балаганами для продажи съѣстныхъ припасовъ рабочимъ, и никто не думалъ воспрепятствовать народу торговать и веселиться по-своему. Ея Величество нерѣдко во время прогулокъ подходила къ этимъ балаганамъ, а равно и строящимся домамъ и милостиво разспрашивала у простонародья, что именно они дѣлаютъ и какъ скоро окончатъ начатое, разсматривала планы и т. п. Всего болѣе Государыня любила останавливаться предъ интереснымъ, съ совершенно дѣтскою наивностію пожилымъ французомъ Клодомъ, прибывшимъ въ Крымъ при открытіи работъ на Теодосійской желѣзной дорогѣ, но послѣ прекращенія ихъ переѣхавшимъ въ Ялту. Этотъ худенькій, тещедушный человѣчекъ съ вѣчною улыбкою на устахъ, какъ только выучилъ немного болтать по-русски, влюбился въ ужасной толщины вдову-армянку, которая также не болѣе

его знала по-русски и Богъ вѣсть какими путями соединился съ нею брачными узами.

При второмъ посѣщеніи Императрицы Крыма генераль-губернаторствовалъ не Строгоновъ уже, а генераль Павелъ Евстафьевичъ Коцебу, бывшій начальникъ главнаго штаба Крымской арміи, человѣчекъ 2-хъ аршиннаго роста съ интересными манерами и привычками, котораго съ первыхъ дней появленія на этомъ важномъ мѣстѣ безжалостно осмѣивалъ правитель канцеляріи Ѳ. К. Гирсъ и торжественно заявилъ, что не станетъ служить съ нимъ. Говорятъ, что Коцебу нисколько не обидѣлся этимъ, а напротивъ по рекомендаціи насмѣшника пригласилъ на мѣсто его И. Р. Отмарштейна, завѣдывающаго отдѣленіемъ въ канцеляріи, а въ приближенные или такъ сказать подручные чиновники по особымъ порученіямъ помощника столоначальника Черняева, людей, у которыхъ не было ничего прошлаго и которые смотрѣли на службу только какъ на источникъ личныхъ благъ.

Естественно, что Коцебу со всѣми приближенными къ нему чиновниками и адъютантами сопровождалъ Государыню Императрицу отъ Одессы и сочель долгомъ поселиться въ Ялтѣ въ зданіи удѣльнаго вѣдомства (нынѣ занятомъ мужскою гимназіею), чтобы лично наблюдать за порядкомъ и благочиніемъ.

9-го сентября по случаю тезоименитства великаго князя Константина, считавшагося, какъ извѣстно, въ это время намѣстникомъ царства Польскаго и выѣхавшаго изъ Варшавы послѣ посягновенія на его жизнь, въ Ялтѣ вновь было торжество. По окончаніи божественной литургіи два военныхъ парохода подошли къ ордеандскому берегу и, остановившись противъ дворца, начали стрѣлять изъ пушекъ и расцвѣтились разноцвѣтными флагами. Вечеромъ Ялта вновь иллюминировалась, былъ фейерверкъ на пароходахъ и до полуночи играли двѣ военныя музыки.

На слѣдующій день Наслѣдникъ Цесаревичъ въ сопровожденіи адъютанта и двухъ казаковъ проѣхалъ обѣ деревни Аутка верхомъ. Такъ какъ день былъ рабочій и всѣ мушны находились въ садахъ и чаирахъ, то Его Высочеству не пришлось встрѣтить никого, кто бы сказалъ, куда ведетъ дорога, по которой онъ хотѣлъ проѣхать за деревни. Татарки же и гречанки по незнанію русскаго языка нашли болѣе приличнымъ вбѣжать въ хаты.

19-го сентября ялтинцы вновь собрались въ мундирахъ и праздничныхъ одеждахъ встрѣчать своего мопарха на набережную и бульварную аллею. На этотъ разъ городская пристань убрана была не однѣмъ только гирляндами изъ зелени и цвѣтовъ, но и флагами, прикрѣпленными на позолоченныхъ древкахъ. Во всю ея длину растянута было красное сукно, пересѣкаемое мѣстами бархатными коврами. Все это дѣлалось на счетъ города, не приносящаго никакихъ доходовъ, слѣдовательно, личнымъ усердіемъ купцовъ и домовладѣльцевъ.

Навстрѣчу къ Его Величеству первымъ прибылъ великій князь Константинъ Николаевичъ съ супругою и дѣтьми, а потомъ уже Государыня Императрица съ Наслѣдникомъ и остальными младшими сыновьями и великою княгинею Марією Александровною, въ сопровожденіи множества экипажей съ придворными чинами и конвоя, который по-прежнему расположился на набережной площадкѣ отъ берега рѣки къ пристани.

Вслѣдъ затѣмъ показалась изъ-за Ореандскаго выступа величавая яхта „Тигръ“, летѣвшая на всѣхъ парахъ, въ сопровожденіи двухъ далеко отставшихъ конвоировъ. Черезъ нѣсколько минутъ яхта окружена была бѣлыми лодками, и загремѣлъ на ней уже извѣстный маршъ, свидѣтельствующій, что Его Величество направился къ трапу. Маршъ смѣнился гимномъ, и всѣ увидали желтый катеръ съ блестящими по бортамъ полосками, который быстро несся къ берегу. Всѣ узнали Императора издали по его отличительной фуражкѣ на карказѣ съ длиннымъ козырькомъ и начали тѣсниться впередъ въ надеждѣ услышать хоть голосъ обожаемаго царя.

Какъ только царскій катеръ присталъ къ пристани, народъ огласилъ воздухъ восторженными криками „ура“. Его Величество и теперь былъ въ любимомъ кирасирскомъ виць-мундирѣ и тѣми же орденами на шеѣ и въ петлицѣ. Принявъ въ державныя объятія жену и дѣтей, Императоръ удостоилъ рукопожатія многихъ изъ представителей края и громко сказалъ:

— Какъ я радъ, что я опять у васъ въ Ялтѣ.

Императоръ пополнилъ и несравненно веселѣе выглядывалъ въ сравненіи съ 1861 годомъ.

Приблизившись къ экипажу и замѣтивъ почтительно кланяющагося Мустафу, Государь сдѣлалъ ему знакъ при-

близиться и, дозволивъ приложиться устами къ рукаву своему, заботливо освѣдомился о его здоровьи.

— Славу Богу, Ваше Величество, еще имѣемъ силу служить нашимъ благодѣтелямъ.

Въ это время, что-то сказано было Императрицею съ улыбкою, послѣ чего Государь, положивъ руку на плечо маленькаго татарина, отвѣчалъ:

— Живи, живи, въ такихъ слугахъ мы всегда нуждаемся.

Нѣкоторые изъ стоящихъ вблизи говорили мнѣ, что Ея Величество сообщила Государю, что Мустафа въ настоящее время ежедневно приноситъ для нея цѣлебный сортъ винограда, который всегда бываетъ отличнаго качества. Сколько было извѣстно, дѣйствительно татаринъ этотъ, знавшій всѣ виноградники нижняго берега и преимущества лучшихъ изъ нихъ, былъ личнымъ поставщикомъ этого плода для царицы.

При несмолкаемыхъ крикахъ народа и колокольномъ трезвонѣ августѣйшіе гости, сопровождаемые конвоемъ и длинною вереницею роскошныхъ экипажей, проѣхали въ Ливадію. Поровнявшись съ карантиннымъ зданіемъ, Государь вторично обнялъ свою супругу и затѣмъ нѣжно любимую единственную дочь свою Марію Александровну. Ялта отпраздновала прибытіе своего монарха иллюминаціею и большими кострами, разложенными вдоль морского берега до устья рѣки „Учанъ-су“.

Одновременно съ пріѣздомъ Императора въ Ялту начали съѣзжаться и пріѣзжіе изъ ближайшихъ губерній и городовъ: одни съ цѣлью взглянуть на жизнь и прогулки вѣнеценосцевъ, а другіе съ различными ходатайствами, рассчитывая на помощь и значеніе близкаго человѣка Антсина Дмитріевича Княжевича.

Бѣдная своимъ рынкомъ и съѣстными продуктами Ялта, не ожидая такого наплыва потребителей, начала громко заявлять о необходимости доставки ихъ изъ другихъ городовъ. Лишь только этотъ говоръ дошелъ до Ливадіи, какъ сдѣлано было распоряженіе, чтобы пригласить на всякаго рода припасы отдѣльныхъ поставщиковъ, которые доставляли бы необходимое для дворца и проживающихъ въ Ливадіи изъ другихъ городовъ.

21 сентября на Ялтинскій рейдъ вступилъ съ одесскою депутаціею, подъ звуки музыки, парходъ русск. общ. парходства „Агронавтъ“. Депутація эта, составленная отъ трехъ національностей Одессы, русскихъ, грековъ и евреевъ,

во главѣ Пашкова, Зарифи и Ефруси, явилась съ цѣлью привѣтствовать Его Величество съ благополучнымъ пріѣздомъ на югъ и поднести Императрицѣ отъ имени одесскихъ гражданъ великолѣпную статую Пенелопы, надѣлавшую много шума между художниками и скульпторами своей античною отдѣлкою мельчайшихъ деталей.

На слѣдующій день депутаты во главѣ генераль-губернатора Коцебу съ подаркомъ отправились въ Ливадію и около 12 часовъ дня были приняты Ихъ Величествами самымъ благосклоннымъ образомъ. Пашковъ, извѣстный своимъ врожденнымъ умомъ и плавною рѣчью, повидимому, произвелъ на благодѣтельнаго монарха пріятное впечатлѣніе. Государыня Императрица также съ удовольствіемъ осмотрѣла прекрасный подарокъ и выразила искреннюю благодарность гражданамъ Одессы за ихъ вѣрноподданныя чувства. Затѣмъ депутаты приглашены были къ завтраку, на которомъ находился какой-то черногорскій сенаторъ съ своимъ секретаремъ.

Въ числѣ пріѣзжихъ былъ И. К. Айвазовскій и еще нѣсколько другихъ извѣстныхъ нашихъ художниковъ, которымъ оказано было въ Ливадіи заслуженное вниманіе. Изъ чиновнаго міра болѣе другихъ выдвигался жандармскій полковникъ Калимахи, бѣднѣйшій неподкупной честности семьянинъ. Калимахи происходилъ изъ княжескаго рода, но такъ какъ онъ былъ уже пожилымъ человѣкомъ и не имѣлъ сыновей, то не хотѣлъ тщеславиться своимъ титуломъ. Онъ прибылъ въ Ялту по обязанности своей и какъ только убѣдился, что дальнѣйшее его присутствіе совершенно не кстати и можетъ показаться цѣлью домогательства награды за усердіе, сейчасъ же возвратился обратно въ Симферополь.

Одесская депутація выѣхала изъ Ялты не только съ музыкою, которая начала играть при поднятіи якоря, но и съ выстрѣлами, неумолкавшими до того времени, пока пароходъ ихъ не скрылся съ глазъ публики.

Послѣ приѣма Одесской депутаціи генераль-губернатору Коцебу пришлось представлять Государю Императору массу выборныхъ татаръ Ялтинскаго уѣзда, которые сами пожелали привѣтствовать Его Величество съ благополучнымъ пріѣздомъ въ ихъ край. Въ главѣ этой депутаціи стоялъ Али-бей Булгаковъ, бывшій нѣсколько четырехлѣтій предводителемъ ялтинскаго дворянства, владѣтель большой части славныхъ оккозскихъ лѣсовъ и съ гордостью носившій русскіе ордена, мозолившіе глаза фанатическаго духовенства.

Али-бей по характеру и наслѣдственнымъ традиціямъ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ почтеннымъ мурзамъ Крыма, которые, высоко цѣня свое бейское (княжеское) происхожденіе, умѣли заставлятъ народъ уважать себя честными и справедливыми отношеніями къ нему и въ то же время служить примѣромъ для всѣхъ въ почтительномъ повиновеніи высшимъ властямъ. Мурза этотъ былъ небольшого роста, съ черными выразительными глазами, римскимъ носомъ и большимъ ртомъ, признакомъ ораторской способности. Говоря довольно хорошо по-русски, онъ отличался отъ другихъ тѣмъ, что каждое слово произносилъ какъ-бы съ цѣлью придать ему особенное значеніе со стороны слушателя, и во все время рѣчи не обнаруживалъ ни малѣйшаго движенія ни въ одномъ мускулѣ, но рѣчь его всегда дышала чувствомъ правды и сознанія истины. Али-бей, по природѣ гостепріимный, чрезвычайно любилъ принимать у себя именитыхъ гостей, для чего содержалъ въ чистотѣ нѣсколько отдѣльныхъ комнатъ, меблированныхъ въ полуюропейскомъ вкусѣ, которыя въ лѣтнее время украшались букетами цвѣтовъ въ изящныхъ вазахъ. Сознвая свое превосходство предъ прочими мурзами Крыма и дорожа благосостояніемъ своихъ мусульманъ, онъ всегда являлся ихъ заступникомъ и представителемъ, разумѣется, когда въ этомъ представлялась надобность.

Его Величество, выслушавъ короткую привѣтственную рѣчь Булгакова, одѣтаго въ этотъ день въ форменный сюртукъ съ регаліями, отвѣчалъ, что сожалѣетъ о прошломъ поведеніи эмигрировавшихъ татаръ, надѣется, что впредь не повторится подобное безразсудное увлеченіе. Причемъ Государь серьезно взглянулъ на волостныхъ головъ и замѣтилъ имъ, какъ они должны вести себя въ имперіи, чтобы заслужить его вниманіе.

Послѣднія слова монарха заставили вздрогнуть этихъ представителей волостной власти, которые во всѣ времена злоупотребляли своими правами и дѣйствовали хищническимъ образомъ въ предположеніи, что они избираются только для личнаго благосостоянія и неограниченнаго господства надъ тружениками.

25-го сентября на Императорской яхтѣ „Тигръ“ въ 9 часовъ утра прибылъ въ Ялту великій князь, намѣстникъ Кавказа, Михаилъ Николаевичъ съ супругою. Его Высочество отбылъ въ Ореанду безъ всякихъ официальныхъ церемоній и встрѣчь. Въ это время Наслѣдникъ Цесаре-

вичъ Николай Александровичъ съ Аметомъ и 20-ю загонщиками находились въ горахъ на охотѣ. Охота эта продолжалась ровно три дня, въ продолженіе которыхъ простые люди успѣли приблизиться къ Его Высочеству и постигнуть его необыкновенную доброту и вниманіе къ каждому.

Въ распорядители этой охоты избранъ былъ, какъ и надо было ожидать, Аметъ, которому и предоставлено было право выбрать въ загонщики тѣхъ татаръ, которые ему лично извѣстны, и нанять 12 вьючныхъ лошадей для провизіи, одежды и палатки. Когда все это было приготовлено и Аметъ пришелъ узнать о днѣ выѣзда, Его Высочество, приказавъ отправить загонщиковъ впередъ, назначилъ свой выѣздъ съ завтрашняго утра.—А куда мы поѣдемъ? прибавилъ онъ. Татаринъ показалъ направленіе и назвалъ мѣстность „Ураманъ-хошъ“, которая находилась приблизительно въ 20 верстахъ отъ Ливадіи. — А ты увѣренъ, что тамъ есть дичь? — Дичи много, Ваше Высочество, но я боюсь, чтобы погода не помѣшала намъ.—Ну, это не такъ важно, погоду переждемъ. На слѣдующій день Цесаревичъ, несмотря на туманную погоду и предостереженіе Амета, что надо подождать разъясненія ея, рѣшился ѣхать съ однимъ только свитскимъ полковникомъ и конно-гвардейцемъ, татаринномъ Муслюмомъ. Достигнувъ до мѣста, Его Высочество, почувствовавъ сырость, приказалъ поставить палатку и подать закусить съ тѣмъ, чтобы послѣ подкрѣпленія силъ начать охоту. Муслюмъ съ помощью загонщиковъ исполнилъ приказаніе. Послѣ завтрака Его Высочество отдалъ приказаніе угостить коньякомъ рабочихъ и выслать ихъ въ дѣло. Тѣмъ временемъ туманъ настолько сгустился, что въ десяти шагахъ трудно было различать предметы, но, несмотря на это, одинъ загонъ былъ сдѣланъ и убита была дикая коза. Вслѣдъ затѣмъ наступилъ вечеръ, и многіе полагали, что Его Высочество возвратится въ Ливадію, но когда онъ заявилъ о желаніи выждать хорошей день, молодые загонщики, въ чаяніи вкусной ѣды, запрыгали отъ радости и бросились собирать дрова для ночныхъ костровъ. Любуясь ихъ веселыми прыжками, Государь Наслѣдникъ и въ свою очередь принесъ нѣсколько сухихъ палочекъ для растопки огня. Заботливый Муслюмъ не замедлилъ поставить самоваръ и убрать коврами и подушками внутренность палатки, а равно и мѣсто для удобнаго ночлега. Когда костры запылали, Цесаревичъ сѣлъ около одного изъ нихъ, шутилъ

и смѣялся до того времени, пока ему подали вторично холодный обѣдъ и вслѣдъ за тѣмъ чай. Въ палаткѣ ночевалъ Его Высочество съ сопровождавшимъ его полковникомъ и Аметомъ. На слѣдующій день стояла такая же неудачная погода. Убитъ былъ только одинъ заяцъ. Къ вечеру у загонщиковъ сошелъ хлѣбъ. Его Высочество выдалъ имъ нѣсколько червонцевъ, чтобы послать въ кошъ за баранами, и вторично приказалъ угостить ихъ коньякомъ. На этотъ разъ нѣкоторые изъ нихъ черезчуръ повеселѣли и долго забавляли сотоварищей пляскою, пѣснями и играми. Второй день Его Высочество также провелъ на сухоядѣніи и снова ночевалъ въ палаткѣ. Всѣ ожидали, что послѣдующій затѣмъ день будетъ ясный, но, увы, и на этотъ разъ погода нисколько не измѣнилась, но все-таки удалось застрѣлить Наслѣднику вторую козу, послѣ чего онъ рѣшился возвратиться домой.

Отпустивъ загонщиковъ, Его Высочество направился въ деревню Кизылташъ. Здѣсь расположившись на отдыхъ у мѣстнаго муллы Мустафы эфенды впредь до прибытія перекладной изъ ближайшей почтовой станціи, Его Высочество не отказался отъ завтрака, поданнаго почтительнымъ хозяиномъ, которому за его радушіе на третій день присланы были въ подарокъ золотые часы съ такою же цѣпочкою. Почтовая телѣжка не замедлила прибыть и доставить благополучно августѣйшаго гостя въ Ливадію. На другой день, когда Аметъ пріѣхалъ нарочно освѣдомиться о здравіи его Императорскаго Высочества, Цесаревичъ съ радостью вышелъ къ нему и, давъ записку для передачи въ походную канцелярію, заявилъ, что онъ на дняхъ выѣзжаетъ, но не забудетъ его и постарается съ избыткомъ вознаграждать его за усердіе въ будущей пріѣздъ свой. По этой запискѣ Аметъ получилъ очень хорошенькую брилліантовую булавку и 40 полуимперіаловъ. Первую онъ оставилъ у себя на память, а послѣдніе раздалъ 20 молодымъ загонщикамъ.

23 сентября въ 10 часовъ ночи неожиданно приблизился къ пристани пароходъ „Аргонавтъ“ и началъ освѣщаться фальшфейерами.

На вопросы, кого они ожидаютъ, полицейскіе чиновники и солдаты отвѣчали, что сейчасъ отъѣзжаетъ Государь Наслѣдникъ въ Бердянскъ для личнаго обзора расположенныхъ въ окрестностяхъ этого города колоній, и дѣйствительно нѣсколько минутъ спустя загрохотали по направленію отъ Ливадіи экипажи и къ пристани прибыли Его

Величество съ первороднымъ красавцемъ сыномъ своимъ, который, прижавшись къ отцовскимъ устамъ и простившись со всѣми сопровождавшими его, весело и бодро опустился на лодку, которая сейчасъ же отчалила отъ берега.

На слѣдующій день въ длинной вереницѣ экипажей направились къ Ливадіи депутаціи отъ г.г. Симферополя и Севастополя, во главѣ которыхъ стояли городскіе головы. Привѣтственную рѣчь сказалъ губернской голова Н. И. Ивановъ, служившій раньше учителемъ мѣстной гимназіи, а потомъ правителемъ канцеляріи у губернатора Жуковского. Его Величество послѣ выслушанія вѣрноподданныхъ привѣтствій остановилъ вниманіе на пострадавшемъ Севастополѣ и милостиво обѣщалъ, что не перестанетъ заботиться о благахъ этого отнынѣ историческаго города. Послѣ отбытія этихъ депутацій Ялтинскіе граждане подали Государю Императору, чрезъ посредство Коцебу, всеподданнѣйшую просьбу о надѣлѣ ихъ города, подъ который отведено всего четыре десятины, выгонною землею, о продолженіи дарованной раньше купцамъ льготы и о разрѣшеніи принимать въ залогъ ихъ дома при казенныхъ подрядахъ.

1 октября представлялись Его Величеству депутаціи отъ г.г. Бахчисарая и Карасубазара. Первая, какъ представительница крымско татарской цивилизаціи, поднесла монарху стихотвореніе, написанное настоятелемъ ханской мечети Абибулою эфендіемъ, сыномъ извѣстнаго мудериса (профессора) Муслюмъ эфенди.

2-го октября въ Ливадію вечеромъ прибылъ Лидерсъ. Генераль этотъ въ то время считался лучшимъ въ нашей арміи, хотя и ничего не сдѣлалъ для Россіи со времени Венгерской кампаніи. Надо полагать, что онъ вселялъ большое довѣріе со стороны начальства своею выдержкою и представительною наружностью.

Сѣдой, но круглый и бодрый, онъ выглядывалъ орломъ и вообще казался способнымъ стоять въ главѣ народа. Одно только ставилось ему въ упрекъ, что онъ легко увлекалъ красотою женщинъ и не щадилъ для достиженія цѣли ни денежныхъ средствъ, ни другихъ личныхъ достоинствъ мужчины съ твердымъ и положительнымъ характеромъ.

Генераль Лидерсъ, умывшись и переодѣвшись, немедленно поѣхалъ въ Ливадію, откуда возвратился около 11 часовъ ночи. На другой день онъ опять поѣхалъ туда, гдѣ и оставался до поздняго вечера.

Въ этотъ день Государю Императору представлялось магометанское духовенство въ главѣ уѣздныхъ кадіевъ и муфтій, Сеить Джемиль эфендія, наслѣдовавшаго отъ отца своего этотъ высокій санъ. Его Величество поручилъ этимъ представителямъ религіи внимательно относиться къ обязанностямъ своимъ и употреблять всѣ мѣры, чтобы народъ не воспламенялся враждебнымъ духомъ фанатизма.

— Вы должны—прибавилъ Государь—заботиться о нихъ, какъ велитъ вашъ законъ, а не наставлять къ ненависти, вызывающей ненависть. Надѣюсь, что до слуха моего отвынѣ не дойдетъ ничего подобнаго, совершившагося въ прошломъ. Ясно, что Императоръ намекнулъ на тѣ выходки крымскихъ татаръ, которыя подмѣнены были нами во время Крымской кампаніи въ мѣстностяхъ, занятыхъ турками и англо-французами, и на эмиграцію ихъ 1859 года, возбужденную или по крайней мѣрѣ поддержанную духовенствомъ.

5-го октября извѣстили, что сегодня прибудетъ на военномъ паровомъ корветѣ прямо изъ Константинополя турецкій посоль.

Было около 11 часовъ дня 5 октября, когда показался изъ-за Ореандскаго мыса большой паровой корвертъ подъ турецкимъ флагомъ. Какъ только онъ поравнялся съ Ливадіею, одинъ изъ пароходовъ нашихъ салютовалъ ему установленнымъ числомъ выстрѣловъ. Корвертъ отвѣчалъ 12 выстрѣлами по турецкому положенію, но отъ него потребовали еще 9 и онъ продолжалъ стрѣлять. По окончаніи этой церемоніи къ корверту подъѣхала парадная лодка, на которой сидѣли въ мундирахъ чиновники Коцебу, Отмарштейнъ и Черняевъ.

На городской пристани находились губернаторъ, уѣздный исправникъ и офицеръ лейбъ-гвардіи татарскаго эскадрона Булгаковъ, командированный изъ Ливадіи въ качествѣ переводчика.

Тѣмъ временемъ подъѣхалъ катеръ съ важнымъ гостемъ, которому услужливые чиновники помогли переступить на пристань и очутиться въ рукахъ выжидавшихъ лицъ. Вслѣдъ за нимъ выскочило восемь офицеровъ въ красныхъ фескахъ, между которыми у двухъ красовался на шеѣ нашъ орденъ Св. Анны. Въ заключеніе выкарабкались два громадныхъ турка въ красныхъ накидкахъ съ длинными кривыми саблями въ чудовищныхъ чалмахъ. Послѣдніе, надо полагать, состояли чѣмъ-то въ родѣ тѣлохранителей или оруженосцевъ при пашѣ, который также былъ большого

роста и вдобавокъ рыжій, что рѣдко встрѣчается между турками, обыкновенно средняго роста и черноволосыми.

Внимательные и крайне любезные Отмарштейнъ и Черняевъ, несмотря на то, что не знали ни одного иностраннаго языка, при содѣйствіи Булгакова, усадили гостей въ экипажъ и провезли до вновь открытой гостиницы Галахова.

Въ то время какъ происходилъ пріѣздъ посла, въ Ливадіи праздновался день рожденія великой княжны Маріи Александровны, гдѣ въ числѣ прочихъ развлеченій Мустафа устроилъ татарскій балетъ на площадкѣ передъ подъѣздомъ дворца, въ которомъ участвовало 28 самыхъ красивыхъ и роскошно одѣтыхъ татарскихъ дѣвушекъ изъ окрестныхъ деревень, конечно подъ національный оркестръ.

6 октября Османъ Ферикъ-паша въ сопровожденіи всей свиты своей и оруженосцевъ (верхами) отправились въ Ливадію въ царскихъ экипажахъ и были немедленно введены въ пріемный залъ, гдѣ воссѣдалъ Государь Императоръ. При входѣ онъ былъ встрѣченъ оберъ-гофмаршаломъ графомъ Шуваловымъ, который, приблизившись къ Императору, послѣ поклона, громко доложилъ о прибытіи такогото посланника отъ его величества султана.

Послѣ чего Османъ-паша, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, приложивъ руку ко лбу заявилъ, что посланъ своимъ повелителемъ привѣтствовать Его Величество съ благополучнымъ пріѣздомъ въ Крымъ и вручить собственно-ручное письмо. При этомъ паша дважды поклонился и подалъ тщательно сбереженный конвертъ.

Его Императорское Величество, прочитавъ посланіе, съ свойственною ему благосклонною улыбкою выразилъ удовольствіе за дружественное отношеніе къ нему его султанскаго величества и, удостоивъ каждыя изъ представленныхъ ему офицеровъ разговоромъ, просилъ ихъ всѣхъ остаться въ Ливадіи на завтракъ и обѣдъ.

Турки, которые привыкли считать русскихъ Императоровъ крайне надменными, просто не вѣрили ни своимъ глазамъ, ни своимъ ушамъ. Императоръ очаровалъ ихъ однимъ взглядомъ и дикціею своего сладкозвучнаго голоса.

Одинъ изъ числа состоявшихъ въ свитѣ посла рассказывалъ про этотъ пріемъ.

— Такого падишаха я никогда не предполагалъ встрѣтить въ Россіи. Это въ полномъ смыслѣ падишахъ и по

росту, и по красотѣ, и по уму, и по добротѣ. Сколько мнѣ извѣстно, съ такими совершенствами не бывало еще Царей на земномъ шарѣ ни въ одномъ государствѣ.

Турки, какъ извѣстно, не особенно щедры на похвалы. На другой день узнали, что Османъ - паша пожалованъ орденомъ Св. Анны 1 степени съ брилліантовою звѣздою, а всѣ состоящіе при немъ въ свитѣ знаками, соотвѣтствующими ихъ чинамъ, и что Государь Императоръ своеручно написалъ отвѣтное письмо султану, которое и вручено было Ферикъ-пашѣ.

Очарованный своею наградой, Османъ - паша счелъ за долгъ обратиться къ генераль-губернатору Коцебу съ просьбою дать ему списокъ именъ и фамилій тѣхъ чиновниковъ, которые чѣмъ-либо служили ему, чтобы ходатайствовать въ свою очередь предъ султаномъ о награжденіи ихъ также орденами.

Ровно въ полдень турецкій корветъ развелъ паръ. Снимаясь съ якоря, онъ поднялъ русскій военный флагъ и сдѣлалъ установленное число выстрѣловъ изъ орудій. Ему отвѣчала тѣмъ же, подъ турецкимъ флагомъ, наша Императорская яхта. Поровнявшись съ Ливадією, „Эндерне“ расцвѣтилось и вновь начало салютовать. Въ свою очередь отвѣтили ему тою же учтивостью.

8-го октября въ 7 часовъ вечера Его Величество съ небольшою свитою выѣхалъ на пароходъ „Тигръ“ въ Керчь для личнаго осмотра Павловской батареи, сооружаемой на проливѣ съ цѣлью господства нашего на всецѣло принадлежавшемъ Россіи Азовскомъ морѣ. Изъ Керчи Его Величество возвратился въ 5 часовъ утра на третій день. По слухамъ онъ остался очень доволенъ и поѣздкою, и всѣмъ, что осматривалъ.

11-го октября Его Величество соблаговолилъ принимать депутацію отъ кавказскихъ областей и губерній.

13-го отъ Донскаго казачьяго войска, отъ караимовъ Таврической губерніи и отъ гражданъ г. Евпаторіи; а 15-го числа отъ жителей г. Феодосіи.

Послѣ приѣма послѣдней депутаціи Государь Императоръ пожелалъ поохотиться въ сосѣднихъ лѣсахъ, вслѣдствіе чего придворная канцелярія начала переписку съ подлежащими мѣстными властями объ избраніи руководителя, загонщиковъ, исправленіи лѣсныхъ тропинокъ и т. п. Единственнымъ способнымъ и опытнымъ для этого дѣла былъ Аметъ, но въ это время всѣ мелкія власти до того зави-

довали этому честному и рѣзко справедливому человѣку, что положили воспользоваться его указаніями и совѣтами, а самого отстранить отъ участія въ охотѣ. Всего больше этого добивался лѣсничій, какъ хозяинъ казенныхъ лѣсовъ, мечтавшій конечно получить первый офицерскій чинъ, который не давался ему по происхожденію. Лишь только узналъ Аметъ объ этомъ комплотѣ враждебныхъ ему лицъ, онъ рѣшился такъ мастерски повести дѣло, чтобы заставить ихъ самихъ сконфузиться.

— Государь Императоръ желаетъ поохотиться—сказалъ одинъ изъ начальниковъ, потребовавъ Амета. Скажи мнѣ, гдѣ вѣрнѣе разсчитывать на успѣхъ?

— По мнѣнію моему лучшее мѣсто для царской охоты окрестности Мисхорскаго богаза.

— Глупецъ, развѣ ты не знаешь, что по тѣмъ тропинкамъ легко оборваться въ пропасть?

— Я прожилъ на южномъ берегу почти 60 лѣтъ и никогда не слышалъ, что кто-нибудь оборвался въ этой мѣстности.

— Мы рѣшили провести Государя въ Масандрскій казенный лѣсъ.

— Это ваше дѣло, но я заявляю, что тамъ не осталось дичи. Ее разогнали казенные полѣсовщики.

— Ты лжешь—вскрикнулъ лѣсничій—тамъ часто видятъ дикихъ козъ, куницъ и лисицъ.

— Въ такомъ случаѣ ведите сами Государя, а я отказываюсь. Сказавъ это, Аметъ повернулся и ушелъ.

Заговорщики долго судили и рядили, но въ концѣ концовъ опять потребовали Амета, но когда онъ стоически началъ выяснять условія, они не дали ему договорить и почти выгнали.

На другой день Аметъ былъ въ Ливадіи, и ему какъ-то случайно сказали, что Государь предполагаетъ завтра выѣхать на охоту. Это подало ему поводъ высказать, что это дѣло поручено такимъ людямъ, которые не знаютъ ни здѣшнихъ лѣсовъ, ни мѣсть удобныхъ для охоты и что они будутъ судить и рядить цѣлую недѣлю, и все окончится только напраснымъ трудомъ для Государя.

— А ты какъ поступишь бы?

— Я предложилъ бы Императору поѣхать по направленію къ Мисхорскому богазу, гдѣ дичь никѣмъ не преслѣдуется и привыкла къ людямъ. Я говорилъ уже объ

этомъ, но мнѣ отвѣчали, что въ этой мѣстности опасны тропинки.

— А развѣ нельзя ихъ сдѣлать безопасными?

— Онѣ не опасны ни для кого, но ихъ можно исправить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кажутся такими для непривычнаго глаза. Разказъ Амета переданъ былъ кому приказано было устроить охоту, и въ тотъ же день Аметъ получилъ въ распоряженіе свое 150 нижнихъ чиновъ съ лопатами и кирками для исправленія дорогъ въ мѣстности, которую онъ находитъ удобною для охоты.

Всякій другой татаринъ, плохо объясняющійся по-русски, изъ боязни сдѣлаться ненавистнымъ своему мѣстному начальству, уклонился бы отъ этого дѣла, но Аметъ, который не утратилъ бы никакой пытки ради услуги монарху, оказавшему ему столько милостиваго вниманія, смѣло принялъ на себя всю отвѣтственность и безотлагательно приступилъ къ работамъ.

Когда была приготовлена тропинка и наняты были опытные загонщики, Аметъ, освѣдомившись, сколько лицъ будетъ участвовать на охотѣ, позаботился каждому изъ нихъ заблаговременно опредѣлить мѣсто и держать это въ тайнѣ до послѣдней минуты. Естественно, что для Государя избрано было такое мѣсто, куда по необходимости больше должна направляться тронутая дичь. Подготовивъ все, Аметъ заявилъ въ Ливадіи, что завтра съ разсвѣтомъ вышлетъ загонщиковъ и пріѣдетъ за Государемъ. То же самое передано было для свѣдѣнія полиціи и лѣсничаго. На слѣдующій день Его Величество, въ сопровожденіи великихъ князей Константина и Михаила Николаевичей и нѣкоторыхъ изъ чиновъ свиты выѣхали верхами по указанному лѣсничимъ направленію. Амету очень не понравилась эта роль кондуктора, но онъ безсловесно удалился въ аріергардъ и рѣшился оставаться пассивнымъ зрителемъ распоряженій Фрома. Достигнувъ до того мѣста, гдѣ приходилось спѣшиться охотникамъ и занять мѣста, Фромъ обратился къ Амету сказать ему, гдѣ поставить Государя.

— Это не ваше дѣло—отвѣчалъ равнодушно татаринъ— я самъ покажу всѣмъ мѣста.

Но лѣсничему непремѣнно самому хотѣлось прислужиться, и онъ рѣшился дѣйствовать по личному соображенію на авось. Пригласивъ Государя проѣхать немного выше, онъ навѣрно поставилъ бы монарха въ безвыходное положеніе надъ пропастью, гдѣ нельзя было повернуть безъ опасности

лошади. Къ счастію Аметъ во время подоспѣлъ и, взявъ подъ удила царскую лошадь, пригласилъ Императора занять приготовленное ему мѣсто.

Будь Аметъ мстительнымъ, ему достаточно было бы сказать громко, что лѣсничій своимъ незнаніемъ чуть не довелъ Государя до большой опасности и могъ бы подтвердить это *de facto*, но онъ ограничился тѣмъ, что попросилъ Его Величество занять мѣсто за довольно большимъ камнемъ, потомъ указалъ пунктъ впереди великому князю Константину, а ниже великому князю Михаилу Николаевичу. Остальные охотники расположены были по линіи ниже. Покончивъ съ этимъ, онъ вскочилъ на коня и понесся на возвышенность, откуда, согласно уговора съ загонщиками, долженъ былъ подать имъ сигналъ начать гонъ. Съ этого мѣста Аметъ видѣлъ Государя и великаго князя Константина. Поднявъ на длинномъ шестѣ полотенце, онъ началъ съ біеніемъ сердца всматриваться и прислушиваться.

— Только въ эту минуту я почувствовалъ ту отвѣтственность, какую принялъ на себя предъ падишахомъ. У меня дрожали руки и ноги, какъ у осужденнаго на казнь. Но вотъ послышались вдали крики и удары въ древесные стволы загонщиковъ, и глаза мои невольно поднялись къ небу. О, Яраби, вырвалось у меня изъ устъ—не посрами мои волосы и бороду! Какъ вдругъ раздался выстрѣлъ. Я глянулъ внизъ и увидѣлъ, что дикая коза, испуганная в. к. Константиномъ, бросилась по направленію къ Императору. Государь замѣтилъ ее, приложился и вслѣдъ за дымкомъ и грохотомъ быстрое животное опрокинулось на бокъ. Отъ радости я чуть не прыгнулъ съ камня, но не прошло и пяти минутъ, какъ Государь вторично выстрѣлилъ и наповаль убилъ лисицу. Я не могъ уже оставаться на мѣстѣ и бѣгомъ побѣжалъ подъ гору. Не успѣлъ я перейти сотни шаговъ, какъ Императоръ сдѣлалъ третій выстрѣлъ и повидимому сильно ранилъ дикаго козла, который заковылялъ и, направившись къ обрыву, исчезъ.

— Я попалъ ему въ лопатку и ногу—вскричалъ Государь, замѣтивъ меня.

Замѣтивъ направленіе, куда направилась раненая дичь, я направился по слѣдамъ ея и нашелъ козла уже лежавшимъ. Зарѣзавъ его, я взбросилъ на шею и съ подскоками предсталъ предъ Государемъ, который сейчасъ же спросилъ въ какія мѣста попала картечь. Оказалось, что въ лопатку и ногу.

Такая удачная охота заставила всѣхъ съ удовольствіемъ посмотрѣть на Амета, котораго троекратно поблагодарилъ Государь, снимая фуражку.

Охота закончилась сытнымъ завтракомъ, за которымъ Его Величество своеручно угостилъ Амета водкою и закусками отъ своего стола.

На слѣдующій день Аметъ, прозванный царскимъ охотникомъ, награжденъ былъ вторыми золотыми часами; такой же подарокъ данъ былъ татарину, котораго онъ назвалъ помощникомъ своимъ, а всѣмъ загонщикамъ заплачено было деньгами.

Съ 11-го по 17-е октября въ Ялтѣ и окрестностяхъ ея ни разу не видѣли Государыню Императрицу, вслѣдствіе частыхъ дождей, смѣняемыхъ сильными восточными вѣтрами. Въ этотъ промежутокъ времени бывали часы, когда вершины горъ покрывались тонкимъ слоемъ снѣга, который конечно исчезалъ при очисткѣ неба. Послѣ 17-го числа опять возвратились теплые дни, и члены августѣйшей фамиліи ежедневно начали совершать прогулки, то въ экипажахъ, то обширными веселыми кавалькадами. Мѣстные жители ликовали, и не было почти парохода, на которомъ не являлось нѣсколько пріѣзжихъ съ единственною цѣлью увидѣть обожаемаго Императора и его семейство. Большинство этихъ пріѣзжихъ по недостатку въ Ялтѣ квартиръ помѣщались въ Ауткѣ, что очень не нравилось старикамъ и старухамъ,

— Напрасно вы ихъ принимаете къ себѣ—говорили они дѣтямъ своимъ—тѣ, которые убѣгаютъ изъ своей земли, не должны быть люди хорошіе; они развратятъ вашихъ женъ и сыновей, принесутъ вамъ невѣдомыя нами болѣзни и въ заключеніе выгонятъ васъ изъ прародительскихъ хатъ и будутъ господствовать надъ вами; теперь вы не имѣете почти надобности въ деньгахъ, все у васъ свое, но настаетъ время, когда они научатъ васъ одѣваться по-своему и заставятъ платить деньги даже за лѣсной перегной.

Племянникъ охотника Амета, молодой, скромный татаринъ Мустафа вздумалъ жениться на дѣвушкѣ, которая поражала своею наружностію всѣхъ, кому приходилось ее видѣть. Аметъ просилъ Государя осчастливить посѣщеніемъ эту свадьбу, что Государь и исполнилъ.

Свадьба Мустафы совершилась въ Дерекѣ въ новомъ зданіи, которое еще не было достроено.

Къ этому зданію подъѣхалъ Государь, сошелъ съ коня и

съ веселою улыбкою потребовалъ у Амета провести его въ комнаты.

— Пожалуйте, ваше императорство—отвѣчалъ Аметъ, зашагавъ по лѣстницѣ и подавая Государю руку для перехода по балкамъ.

Государь вошелъ въ комнату и расположился на твердомъ стулѣ предъ столомъ съ простою закускою. Около Его Величества на стульяхъ и тюфякахъ размѣстились остальные гости.

— Гдѣ же невѣста и женихъ? спросилъ Государь.

— Невѣста еще не пріѣхала—отвѣчалъ Аметъ, наливая рюмку водки и поднося Его Величеству.

Государь Императоръ взглянулъ съ улыбкою на распорядителя, но чтобы не оскорбить его, проглотилъ водку и взялъ кусочекъ татарскаго сыру, послѣ чего выпилъ рюмку вина, которое нашель недурнымъ. Всѣ остальные гости по неволѣ должны были послѣдовать примѣру Государя.

Тѣмъ временемъ заиграла музыка на дворѣ, и молодежь отъ нечего дѣлать начала бороться. Аметъ, пригласивъ Августѣйшаго Гостя посмотрѣть на это зрѣлище, послалъ въ то же время нарочнаго ускорить выѣздъ изъ родительскаго дома невѣсты. Татарскій образъ борьбы, основанный на внезапныхъ обманахъ и подставкахъ ноги, ужасно смѣшилъ добраго Монарха и окружавшую его свиту.

Естественно, что въ это время всѣ ближайшіе дома съ плоскими кровлями покрылись массами татарокъ въ нарядныхъ костюмахъ по случаю свадьбы, что представляло интересную картину. Аметъ воспользовался этимъ и предложилъ дѣвушкамъ устроить танцы подъ пѣсни и музыку. Татарки сейчасъ же образовали круги и громкими голосами затянули свой классическій напѣвъ „варилячъ“. Цыганскій хоръ музыкантовъ началъ имъ вторить. Все это дѣлалось у подножья того балкона, на которомъ находился Императоръ съ блестящею свитою. Эта новая, болѣе приятная для глазъ картина, въ котловинѣ гигантскихъ горъ, съ отклинами, густо заросшими сначала хвойными лѣсами, а потомъ фруктовыми деревьями, между моремъ и берегомъ извиистой рѣки, въ группѣ сѣрыхъ кровлей, на которыхъ сушились на зиму всѣ почти произведенія туземцевъ, между минаретомъ и въ тѣни гигантскихъ грецкихъ орѣховъ,—до того была разнообразна и прелестна, въ особенности при чуждой намъ пѣснѣ сотни голосовъ, соединявшихся съ звонкими свирѣлями и гигантскими барабанами.

Тѣмъ временемъ привезена была невѣста и введена была по обыкновенію за занавѣсъ. Когда положилъ объ этомъ Аметъ, Его Величество спросилъ:

— А могу ли я видѣть ее?

— Вашему Императорству, какъ нашему отцу, все дозволяется, но другимъ мужчинамъ нашъ законъ воспрещаетъ.

— Въ такомъ случаѣ веди меня одного—и Государь послѣдовалъ за распорядителемъ.

Вошедъ въ небольшую комнату, гдѣ сидѣли охранительницы и свахи, поспѣшившія поцѣловать фалды царскаго сюртука, Императоръ приблизился къ невѣстѣ, которая бойко и кокетливо отбросила покрывало и предстала предъ великимъ Монархомъ въ полной красотѣ и граціи рѣдкихъ красавиць. Несмотря на свои юныя лѣта и затворническій образъ жизни, она смѣло и почтительно приложила къ рукѣ Государя и все время не спускала съ него своихъ очаровательныхъ глазъ.

— У племянника твоего недурной вкусъ—сказалъ Императоръ, съ улыбкою обращаясь къ Амету—онъ, кажется, выбралъ самую красивую изъ здѣшнихъ дѣвушекъ. Потомъ онъ добавилъ: Я прикажу прислать ей подарокъ на память, а когда у нея родится наслѣдникъ, скажи, чтобы она извѣстила меня. Прощай, будь счастлива!

Затѣмъ Его Величество со всѣми придворными чинами зашли взглянуть на жениха, обязаннаго стоять неподвижно въ углу до соединенія съ невѣстою. Мустафа также поцѣловалъ руку Императору. По выходѣ отъ жениха Государь пожелалъ видѣть обрядъ бракосочетанія, который и совершился безотлагательно въ лицѣ довѣренныхъ.

Послѣ всего этого Его Величество простился съ хозяиномъ и почетными стариками и, сѣвъ на поданнаго казакомъ коня, приказалъ провести его прямою дорогою по направленію къ Масандрѣ.

Государь пробылъ у Амета безъ двухъ минутъ 2¹/₂ часа.

На слѣдующій день новобрачные получили каждый по прекрасной брилліантовой булавкѣ и на первоначальное обзаведеніе 200 рублей.

Государь Императоръ никогда и впослѣдствіи не забывалъ Мустафу съ женою и при всякомъ пріѣздѣ въ Ливадію, когда они являлись съ привѣтствіями, приказывалъ одарять ихъ деньгами или драгоценными украшениями и выразилъ сожалѣніе, когда лѣтъ чрезъ 5 ему доложили,

что Мустафа умеръ, оставивъ нѣсколько сиротъ, а жена его вышла по необходимости замужъ и переѣхала за горы.

20 октября въ большой дворцовой залѣ въ присутствіи Императора и всѣхъ членовъ Августѣйшей Фамили, сановниковъ и свиты отслужена была панихида объ упокоеніи души блаженной памяти Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Въ тотъ же день приглашены были Императоромъ къ обѣденному столу всѣ офицеры стрѣлкового батальона 13 дивизіи, состоящіе въ караулѣ въ Ливадіи. При чемъ Его Величество обратилъ личное вниманіе на то, что солдаты, продолжавшіе квартировать въ палаткахъ, легко могутъ простуживаться по ночамъ, повелѣлъ размѣстить ихъ въ имѣющихся въ Ливадіи постройкикахъ и вообще позаботиться о нихъ, чтобы они не могли заболѣвать.

21 октября въ Ливадіи представлялась депутація отъ жителей г. Нахичевани, которая, какъ и всѣ предыдущія, была принята благосклонно.

22 октября въ 5 часовъ пополудни выѣхалъ изъ Ялты на Императорской яхтѣ намѣстникъ Кавказа Великій Князь Михаилъ Николаевичъ съ супругою.

23 октября церковные колокола ближайшихъ храмовъ ударили въ набатъ; были замѣчены страшные клубы чернаго дыма, подымавшася въ различныхъ мѣстахъ изъ маандрскаго лѣса, идущаго непрерывными группами растительности до Ялты. Полиція безотлагательно вызвала изъ ближайшихъ деревень всѣхъ способныхъ работать киркою, топоромъ и лопатою и направила ихъ въ помощь лѣсной стражѣ. Государь Императоръ лично пріѣхалъ въ Ялту узнать, какія приняты мѣры, а такъ какъ генералъ-губернаторъ Коцебу былъ въ отсутствіи, то онъ обратился къ губернатору Жуковскому, который глупымъ отвѣтомъ своимъ высказалъ предъ Его Величествомъ полнѣйшее невѣжество свое.

— Надо во что бы ни стало остановить огонь—сказалъ Государь.

— Къ несчастію, Ваше Величество, мы не имѣемъ по близости огня проточной воды.

При этомъ отвѣтѣ у Государя расширились глаза.

— На что тебѣ проточная вода? рѣзко онъ спросилъ. Жуковскаго покорибилъ недовольный тонъ голоса Монарха.

— Видно, ты не знаешь, какъ тушатся лѣсные пожары!....

Въ эту минуту явился предъ Государемъ Коцебу, дожившій, что онъ сейчасъ выступаетъ съ двумя ротами

солдатъ на мѣсто событія и лично приметъ на себя наблюденіе за ходомъ правильныхъ работъ.

— Я буду съ нетерпѣніемъ ожидать твоего успѣха—сказалъ Императоръ, и экипажъ его повернулъ обратно въ Ливадію. При содѣйствіи солдатъ, дѣйствующихъ по примѣру опытныхъ туземцевъ, огонь не допущенъ былъ дальше воспламененной площади и благодаря безвѣтрію потухъ.

Предпослѣдніе дни своей резиденціи въ Ливадіи Его Величество въ этомъ году ознаменовалъ множествомъ милостей. Генералъ Коцебу, зная на опытъ, что тотъ только начальникъ дѣлается популярнымъ, который поощряетъ представленіями къ наградамъ своихъ подчиненныхъ и всѣхъ имѣющихъ вліяніе въ извѣстномъ слоѣ общества, не только самъ ходатайствовалъ за нихъ, но даже не противорѣчилъ подобнаго рода докладамъ своего правителя канцеляріи. По личной же волѣ Его Величество приказалъ выдать генералу Коцебу три тысячи рублей для раздачи бѣднѣйшимъ жителямъ Таврической губерніи и независимо этого тысячу рублей для бѣдняковъ г. Севастополя. Что касается Государыни Императрицы, то ей благоугодно было пожертвовать 600 руб. на окончательное устройство севастопольско-инкерманской киновіи и тысячу рублей въ фондъ монастыря на вѣчное поминовеніе павшихъ воиновъ въ этой исторической долинѣ во время Крымской кампаніи.

24 октября стало извѣстно, что завтра отъѣзжаетъ изъ Ливадіи Государь Императоръ сухимъ путемъ на Симферополь.

Около 11-ти часовъ, раздався колокольный звонъ, возвѣщающій, что Его Величество показался на спускъ съ Ливадскаго шоссе, которое давно уже покрыто было группами народа. Государь ѣхалъ въ одномъ экипажѣ съ августѣйшимъ семействомъ, пожелавшимъ проводить его до Масандры кн. Воронцова. У городского моста Его Величество, остановивъ коляску, милостиво простился съ конвоемъ и всѣми лицами, сопровождавшими его верхами. Многіе изъ числа присутствующихъ невольно прослезились. Несмотря на то, что конвою приказано было возвратиться, татары, во главѣ Мустафы, Амета и другихъ представителей мѣстной волости, поскакали за Ихъ Величествами и присутствовали до тѣхъ поръ, пока милостивый Монархъ простился съ семействомъ и, пересѣвъ въ дорожный экипажъ, не скрылся съ вида.

Царица не выѣхала одновременно съ Императоромъ только потому, что не пожелала поставить въ затрудненіе почтовые тракты, какъ извѣстно, не имѣвшіе въ то время излишняго числа лошадей. Вслѣдствіе чего отъѣздъ ея назначенъ былъ на 27-е число. Въ этотъ день, когда Императрица сѣла въ экипажъ, запряженный 7-ю лошадьми, съ юго-востока солнце сіяло и грѣло, точно какъ въ маѣ, къ сѣверо-западу горныя вершины покрыты были бѣлымъ саваномъ снѣговъ, дальше въ черныхъ облакахъ сверкала по временамъ молнія и грохоталъ громъ, а полосой отъ Аутки до Айвасиля сыпался косвенными линіями крупный дождь съ большими блестящими градинами.

Государыню Императрицу сопровождало нѣсколько дорожныхъ экипажей съ фрейлинами, статсъ-дамами и другими придворными чинами, впереди которыхъ ѣхалъ исправникъ, а въ арьергардѣ конвойные казаки и татары. Съ послѣдними Ея Величество милостиво простилась также у городского моста и помчалась дальше, посылая направо и налево благосклонные поклоны низко кланявшимся группамъ народа, призывающаго на нее милости Предвѣчнаго Царя.

Сообщ. В. Мелеха.

